

RU

Габитус пассажира поезда: эволюция вектора в произведениях эпической формы от Л. Н. Толстого до Т. Н. Толстой

Ройко О. В.

Аннотация. Цель исследования - определить частотные константы и вариации габитуса пассажира поезда, репрезентированные в тематической выборке произведений русской литературы XIX-XXI вв., доказать, что его ключевые составляющие коррелируют с концептуальной идеей текста, играя сюжетнообразующую роль, составляя смысловое ядро авторской интенции. Научная новизна работы заключается в первичном обращении к проблеме и ее комплексном анализе, интегративном подходе к интерпретации художественного текста, продуктивно транслирующего понятие «габитус» в исследуемом ключе. В результате доказано, что контекстуально реализованная тема габитуса пассажира поезда актуальна для русской литературы, выделены и систематизированы искомые константы, обозначены эволюционные направления вектора развития темы, дающие возможность более глубокого истолкования литературного характера.

EN

The Habitus of a Train Passenger: The Evolution of a Vector in Works of Epic Form from L. N. Tolstoy to T. N. Tolstaya

Royko O. V.

Abstract. The aim of the study is to determine the frequency constants and variations of a train passenger's habitus, represented in a thematic sample of Russian literature works of the XIX-XXI centuries, to prove that its key components correlate with the conceptual idea of the text, playing a plot-developing role, forming the semantic core of the author's intention. The scientific originality of the work lies in the primary appeal to the problem and its complex analysis, an integrative approach to the interpretation of a literary text, which productively translates the notion of "habitus" in the studied key. As a result, it is proved that the contextually realized theme of a train passenger's habitus is relevant for Russian literature, the desired constants are identified and systematized, the evolutionary directions of the vector of the theme development are indicated, allowing deeper interpretation of the literary character.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена двумя важными факторами: 1) востребованностью одного из приоритетных направлений интегративной области современного научного знания (социологии, психологии, философии, литературы), касающегося теории габитуса, формирующего особый тип мышления личности; 2) первичным обращением к подобной когерентности понятий, схематичностью литературоведческой проекции обозначенной проблемы на классический мотив дороги, пути. Этот перспективный вопрос может представлять интерес для литературоведов, так как намечает новое направление анализа художественного образа. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, вывести понятие «габитус пассажира поезда» на основании существующих определений; во-вторых, обозначить ключевые константы и вариации тематического комплекса и выявить частотность их контекстуальной репрезентации; в-третьих, интерпретировать тематическую выборку произведений, прорисовать вектор эволюции вопроса. В статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-исторический анализ, целостный анализ художественного произведения, имманентный, контекстуальный анализ с элементами компаративного; системный подход обеспечивает структурированное аналитическое описание проблемы. Теоретической базой исследования послужила теория габитуса П. Бурдые (1998) и публикации, переосмысливающие наиболее актуальные ее императивы: Н. А. Шматко (1998), Н. А. Селиверстовой, Н. Д. Короткой (2015), Н. А. Ивановой (2011), И. Л. Сизовой, А. В. Ермиловой, Т. М. Хусяинова (2014), Т. И. Макогон (2013).

Практическая значимость работы заключается в том, что обозначенная в статье проблематика может стать отправной точкой формирования системы коррелятов различных габитусов и концептуальных идей, значимых для русской литературы, и мотивировать интеграцию литературы, социологии, психологии, филологии, истории для создания общекультурного полисеманта данного направления.

Основная часть

Для обозначения констант и вариаций реализованного в художественном тексте габитуса пассажира поезда, связанного с классическим мотивом дороги, следует обратиться к существующим трактовкам ключевой категории. Диахронный аспект вопроса выявляет эволюцию понятия, расширяя его семантические границы от эксплицитных маркеров: «...внешний облик человека, его телосложение, осанка...» (Большой энциклопедический словарь, 1998, с. 240), – до имплицитных позиций: «Ментальный габитус – это система устойчивых, поддающихся переносу диспозиций, которая, интегрируя прошлый опыт, функционирует в каждый момент как матрица восприятий, пониманий и действий и делает возможным достижение бесконечно разнообразных целей» (Bourdieu, 1977) (Зинченко, 2021). И. Л. Сизова, А. В. Ермилова, Т. М. Хусяинов определяют габитус как систему ценностей и модели восприятия и мышления, которые оказывают влияние на характер деятельности индивида (2014). Н. А. Селиверстова, Н. Д. Короткая (2015) справедливо замечают: габитус – «свойство личности, пассивная, предопределенная, сформированная структурой, т.е. объективными социальными условиями структурированная предрасположенность или диспозиция и активная способность личности (группы) вносить изменения в существующие единицы (структурирующая предрасположенность)» (с. 311). Опираясь на концепцию П. Бурдьё (1998) и ее интерпретации, выведем определение «габитуса пассажира поезда», коррелирующего с вечным мотивом дороги в литературе. Квинтэссенция искомого понятия обусловлена, прежде всего, пространственными и временными детерминантами: замкнутым пространством вагона или купе; временем отправления и прибытия поезда; ситуативно созданным психологически комфортным или дискомфортным для общения расстоянием; возникшей в связи с этим коммуникативной ситуацией, характеризующейся положительной или негативной коннотацией. Также детерминирующим в данном случае будет «скрипт коммуникации» – «обыденное представление о типичной последовательности действий в определенной коммуникативной ситуации» (Гулевич, 2007, с. 13). Учитывая вышеизложенное, определим *габитус пассажира поезда* – номинацию, актуальную для конкретного исследования, но имеющую потенциал универсальности, как *набор определенных предрасположенностей, схем, поведенческих реакций, социальных и психологических трафаретов, символических «вагонных» ритуалов, ментальных кодовых характеристик, формирующих особый тип мышления личности, которые реализуются ситуативно в замкнутом пространстве, маркированном атрибутами поезда, в течение фиксированного времени*. Акцентируем гипотезу: в художественных текстах должны быть реализованы (в той или иной степени) следующие структурные элементы, формирующие базис искомого аттитюда. Предположим, что среди них: 1) восприятие атмосферы вокзала; 2) созерцание пейзажа за окном поезда; 3) пребывание в замкнутом пространстве вагона, купе, формирующем коммуникативную ситуацию; 4) прямое или опосредованное участие пассажира в ситуации общения; 5) исполнение символических демонстративных ритуалов (раскладывание багажа, чаепитие, прием пищи (набора определенных продуктов), выход в тамбур, застилание постели в купе и др.); 6) чтение книг, газет, журналов; 7) транслирование культурного национального кода; 8) транслирование социального статуса пассажира; 9) реализация синдрома вагонного попутчика. Все перечисленное, безусловно, будет рассматриваться в связи с концептуальной идеей анализируемого произведения, авторской интенцией.

Проецируя выведенное определение на литературный материал, в качестве объекта исследования выберем значимые для истолкования проблемы произведения *средней* (с учетом жанровой специфики одного из элементов группы) и преимущественно *малой* эпической формы, назовем тематическую выборку, репрезентующую габитус пассажира поезда: **повесть** Л. Н. Толстого «Крейцера соната» (1890), **рассказы** Л. Н. Андреева «Петька на даче» (1899), В. В. Набокова «Облако, озеро, башня» (1937), А. А. Уткина «Попутчики инжира» (1999), **эссе** Т. Н. Толстой «За проезд!» (2012). Выбор художественного материала, разнородного и в жанровом, и во временном отношении, обусловлен несколькими причинами: 1) достаточной степенью *информативности* последовательного ряда и в связи с этим объективной оценкой качественных изменений структуры искомого аттитюда в разноплановых текстах (временной отрезок XIX–XXI вв.); 2) определенной *комплементарностью* указанных произведений на имплицитном уровне, несмотря на маркеры «художественный метод», «индивидуально-авторский стиль», «концептуальная идея» и др.; 3) особого рода *интертекстуальностью* нескольких компонентов выборки, позволяющей выявить параллели на уровне аллюзий (Л. Н. Андреев – В. В. Набоков; Л. Н. Андреев – А. А. Уткин; В. В. Набоков – Т. Н. Толстая; А. А. Уткин – Т. Н. Толстая); 4) возможностью *акцентировать* творчество писатель-юбиляров 2021 г. Л. Н. Андреева, Т. Н. Толстой и *актуализировать* «невизитное» произведение писательницы – эссе «За проезд!», в котором в полной мере раскрыта доминанта – полиаспектный габитус, включающий богатую ассоциативную парадигму.

Повесть Л. Н. Толстого «Крейцера соната» синтезирует сложные философские вопросы, позволяющие реализовать суперпозицию габитуса пассажира поезда. Представленная коммуникативная ситуация (Позднышев – коммуникатор, рассказчик – реципиент) не только находится в рамках конструктивной *«системы приобретенных схем»* пассажира, но и продолжает формировать ее в процессе прояснения писателем

психологического и идеологического рисунка характера центрального героя. Позднышев, транслируя «прочные приобретенные предрасположенности», именно в вагоне поезда концентрируется на «той печальной истории, которую он с мельчайшими подробностями передает, проездом по железной дороге, совершенно незнакомому своему спутнику о том, как он мало-помалу дошел, из-за ревности, до убийства своей жены» (https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Gusev/brak-i-bezbrachie-o-krejtserovoj-sonate-i-posleslovii-k-nej-gr-l-tolstogo/). Детализация обстановки и атмосферы вагона, портретные характеристики пассажиров играют значимую роль в репрезентации габитуса. Своеобразный «локус контроля» – пространная, созревшая на вторые сутки поездки исповедь человека, совершившего преступление. Глубокий психологизм, эмоциональное напряжение, аффективность, дидактизм – принципиально важные маркеры ситуации. «Фоновые» пассажиры («некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке», «ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с аккуратными новыми вещами» (Толстой, 1987, с. 97), купец и его приказчик) выполняют демонстративные ритуальные действия: перемещаются по вагону, пьют чай, заводят общий разговор о разводе, занимающий «общественное мнение в Европе». Поведение Позднышева иное: он держится особняком во временной группе пассажиров, изредка издает «странные звуки, похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех» (Толстой, 1987, с. 97), избегает общения, отвечая резко на вопросы, смотрит в окно, читает, пьет чай, закусывает. Л. Н. Толстой акцентирует внутреннюю дифференциацию группы пассажиров, фокусируя внимание читателя на поведенческих реакциях странного человека: порывистых движениях, глазах, «быстро перебежавших с предмета на предмет». Повествователь становится значимым участником коммуникативного акта, психологический феномен – синдром вагонного попутчика – раскрывается в повести в полной мере. Четко обозначена рецепция попутчика: «Мне казалось, что он тяготится своим одиночеством, и я несколько раз хотел заговорить с ним, но всякий раз, когда глаза наши встречались, что случалось часто, так как мы сидели наискоски друг против друга, он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно» (Толстой, 1987, с. 98). Писатель показывает формирование потребности героя в «вагонной» исповеди при отсутствии интеракции: не сразу преодолены коммуникативные барьеры и временные ограничения, найден искомый адресат. Ситуативная адаптация рефлексирующего Позднышева свидетельствует об особенностях самовыражения, герой транслирует одну из значимых составляющих габитуса и авторскую интенцию, реализует схему поведения пассажира, открывающего душу попутчику. После пространных экспрессивных откровений герой эмоционально опустошен, он плачет и просит прощения у адресата-эмпата: «...подал мне руку и чуть улыбнулся, но так жалобно, что мне захотелось плакать» (Толстой, 1987, с. 172). Идея произведения во многом связана с рецепцией рассказчика при акцентировании синдрома вагонного попутчика в замкнутом пространстве вагона, формирующем ситуацию общения, с доминированием в коммуникативном акте повествующего о личной драме центрального героя.

В рассказе Л. Н. Андреева «Петька на даче» габитус транслируется ребенком. Описание вокзала «с его разноголосую сутолокою, грохотом приходящих поездов, свистками паровозов, то густыми и сердитыми, как голос Осипа Абрамовича, то визгливыми и тоненькими, как голос его больной жены, торопливыми пассажирами...» (Андреев, 1997, с. 55) передает типичное поведение спешащих людей, создающих хаос, «броуновское» движение, в которое вовлекается человек (взрослый или ребенок), попавший на вокзал, – явление коллективного бессознательного, по К. Юнгу. Значим ассоциативный ряд, рожденный подсознанием мальчика: характеризует тональность свистков паровоза, Петька проводит компаративные параллели, проявляя индивидуализированные предрасположенности и детскую фантазию, психологическую особенность – зеркальное отражение увиденного, ситуативную адаптацию, рождая мгновенный эмоциональный отклик на событие: «...наполнил его чувством возбужденности и нетерпения» (Андреев, 1997, с. 55); ребенок сразу становится частью процесса, боится опоздать на поезд, хотя еще полчаса до его отхода. Это подтверждает вывод П. Бурдые (1998): субъект бессознательно подчиняется общей практике. Поведение мальчика предопределено: он никогда до этого не передвигался по железной дороге, ведущей к неизведанной свободе, поэтому непосредствен в своих реакциях: «прилип к окну», «вертелся у своего окна», «перебегал на другую сторону вагона». Персонаж нестатичен, это первое считывание и одновременная трансляция габитуса, стадия его формирования: «Впервой по чугунке едет – интересуется...» (Андреев, 1997, с. 56). Для ребенка не существует барьеров в общении, он не знает традиционных установок коммуникативной ситуации, привычного для вагонных пассажиров «скрипта коммуникации» (Гулевич, 2007), поэтому такими естественными кажутся его попытки невербального общения: «...с доверчивостью кладя плохо отмытую ручонку на плечи и колени незнакомых пассажиров» (Андреев, 1997, с. 56). Писатель акцентирует впечатления Петьки, с жадностью поглощавшего дорожные зарисовки: «Когда поезд со звонким металлическим лязгом, внезапно усилившимся, взлетел на мост и точно повис в воздухе над зеркальной гладью реки, Петька даже вздрогнул от испуга и неожиданности и отшатнулся от окна, но сейчас же вернулся к нему, боясь потерять малейшую подробность пути» (Андреев, 1997, с. 56). Возвращение же в равнодушный город «с семичасовым утренним поездом» представлено Л. Н. Андреевым как антитеза первой поездке. Перед нами повзрослевший в результате компрессии художественного времени мальчик с тонкими морщинками, с апатичными глазами, осознавший драматизм ситуации: «не вертелся», «почти не смотрел в окно». Итак, габитус пассажира поезда коррелирует с концептуальной идеей рассказа: поезд становится сначала средством передвижения в счастливый, новый для Петьки мир, а потом возвращает в будни городской парикмахерской, в которой он лишь человек-функция («Мальчик, воды!»). В данном случае следует отметить латентность габитуса и естественность отклика сознания

ребенка на него. Ключевые элементы искомого аттитюда – восприятие атмосферы вокзала, созерцание пейзажа за окном поезда, невербальные попытки Петьки стать участником коммуникативного акта по дороге на дачу и отказ от коммуникации – на обратном пути.

Василий Иванович, центральный герой **рассказа В. В. Набокова «Облако, озеро, башня»**, «маленький человек», скромный русский эмигрант, живущий в Берлине, чужой во временной малой группе, «состоявшей из четырех женщин и стольких же мужчин» (Набоков, 1997, с. 362), не вписывается в габитус немецкого пассажира, культивируемый ее членами. Выделим экстремальную точку и координаты пересечения двух габитусов, детерминированных разнонаправленными векторами. Разместившись в «пустом вагончике сугубо-третьего класса», герой «сел в сторонке» от шумной компании, положил в рот «мятку», раскрыл «томик Тютчева», явивший оксюморон (чтение философской лирики с конфетой за щекой) и каламбур «Мы слизь. Реченная есть ложь», – транслируя русский национальный код; смотрел в окно урывками, «ухитрялся наслаждаться мимолетными дарами природы» (Набоков, 1997, с. 363). Конфликтные ситуации в реализации аттитюда доминируют: 1) герой насильно вовлечен в коллективное хоровое пение: «Распростишься с пустой тревогой...» – «одиночное мучение»; 2) во время завтрака группой путешественников-немцев уничтожен атрибут русского габитуса – «любимый огурец из русской лавки, булка и три яйца» (Набоков, 1997, с. 365) как антитеза немецкой колбасе; 3) Василий Иванович ощутил противоестественность увеселительных мероприятий: игры в скат, обучения игре на мандолине. Обратный путь от мечты («облака, озера, башни») – аллюзия к рассказу Л. Н. Андреева, ситуативный экстремум, габитус русского пассажира виртуален, героя как личности больше нет: ему дают пощечины, буравят штопором ладонь, поезд становится тюрьмой, западней. Василий Иванович не вписывается в неестественную для него картину вагонного бытия, он вынужден быть пассажиром (не хотел принимать участие в «увеселительной» поездке), выделенным из маркированной социальной группы, из иной социокультурной идентичности. Логичен вывод: габитус русского пассажира в описанных конкретных условиях не может быть реализован в классическом виде, так как объективные причины не просто суживают границы его трансляции, а сжимают до «точки невозврата». Пространство, отторгающее русского пассажира, построено по принципу концентрических кругов: Германия – Берлин – поезд – лавка у окна – место под лавкой во время «игры в скат». Герой, гипотетически имея возможность для реализации аттитюда (воспоминания о России, генетическая связь с родиной), не в состоянии его продемонстрировать. Таким образом, попытка самоидентификации через габитус русского пассажира поезда в рассказе отмечена в начале развития действия, но практически сразу нивелирована габитусом иного вектора, вследствие чего нивелирована и личность героя, у которого «сил больше нет быть человеком» (Набоков, 1997, с. 369). Базисными элементами парадигмы ментальных кодовых характеристик в рассказе становятся созерцание пейзажа за окном, транслирование национального культурного кода и социального статуса личности пассажира.

Рассказ А. А. Уткина «Попутчики инжира» (сб. «Южный календарь») дает объемное представление о структуре габитуса пассажира поезда. Отметим рифму с ассоциативным восприятием железной дороги героем рассказа Л. Н. Андреева: «Было уже темно, и на путях, как волшебные цветы папоротника, горели разноцветные огни» (Уткин, 1999). Номинация «купе» имеет в данном случае отрицательную коннотацию, являющую хрестоматийный набор примет конца 90-х гг. XX в.: «купе первое от проводников», «вагон неимоверно старый», «обшарпанная клетушка», столик, «весь исцарапанный ножами». Интересна контаминация: констатация факта и срочная рефлексия: «...возникал вопрос, почему он [вагон] (курсив мой. – О. Р.) до сих пор не списан и портит людям настроение» (Уткин, 1999). Поведенческие реакции вошедшего пассажира Василия Александровича стандартны. Символический демонстративный ритуал раскладывания вещей воспринимается как вид купейной церемонии: поднял рюкзак, задвинул в нишу над дверью, положил на столик флягу, кружку, достал книгу Теофила Готье «Путешествие в Россию» (с кодовой фразой «Они [русские] (курсив мой. – О. Р.) не спят всю ночь, не знают, что такое шнур – открывают сами дверь по первому зову» (Уткин, 1999)). Ритуальны также действия его попутчицы: «...поспешно встала, может быть, думала, что ему надо положить вещи под сиденье» (Уткин, 1999). Прослеживаются гендерные различия в коммуникативной ситуации: больше говорит женщина, объясняя свое бесплатное пребывание в поезде, рассказывая о цели поездки. Привлекают внимание ее невербальные сообщения после случившегося в купе проводника («опрavляла юбку», «смотрела в ночь, подперев подбородок ладонью»). Мрачную атмосферу поезда времен 90-х гг. поддерживает образ проводника, принесшего чай («стакан в подстаканнике, сахар и пакетик заварки без опознавательных знаков»), и описание тамбура (спертый воздух; пыльный запах угля; измочаленный веник; окурки на полу). Характерной кинематографической деталью становится «свернутый матрас с подушкой внутри», криво лежащий «поперек соседней полки», – напоминание о недавно находившейся в купе попутчице с судьбой Сонечки Мармеладовой, что наполняет габитус пассажира особой экспрессией и психологизмом: «Полосатый чехол матраса слез, и его край болтался вместе с вагоном, а в солнечном воздухе беспорядочно плавали невесомые ворсинки» (Уткин, 1999). В эмоционально-чувственной палитре преобладают жалость и милосердие; спонтанное решение Василия купить у женщины всю партию инжира отражает авторскую интенцию: даже кратковременное пребывание в купе людей разного социального статуса, мировоззрения может при определенных условиях пробудить ценностные позиции личности, внутренний душевный потенциал, который, возможно, не реализовался бы в ином хронотопе. Вывод однозначен: в рассказе «Попутчики инжира» габитус пассажира играет сюжетообразующую и композиционную роль, транслируя магистральную идею. Пространство купе, ситуация общения, ритуалы, синдром попутчика – таков набор габитусных доминант в рассказе А. А. Уткина.

В эссе «За проезд!» представлен диахронный аспект поликомпонентного габитуса (к тематической выборке отнесем это произведение с оговоркой «художественно-публицистическая проза»). **Т. Н. Толстая** создает модель русского мира, базирующуюся на культурном коде и эволюционирующей психологии пассажира поезда. Интертекстуальность эссе отсылает читателя к генетической памяти писательницы, ориентирующейся на лучшие образцы русской классической литературы XIX-XX вв. Схематичность композиции, отрывочность размышлений путешественника-созерцателя, пересекающего пространство и время, рассуждающего о вечных категориях бытия, иллюстрирующего практически радищевскую дорогу из Петербурга в Москву цитатами из стихотворений Г. Иванова, А. Блока, Ф. Тютчева, А. Толстой, поддерживают концептуальную идею произведения: «А русская жизнь – это путешествие из Петербурга в Москву, или из Москвы в Петербург, смотря с какой стороны смотреть. Два худо-бедно озаренных блюдечка, два пятнышка света, две платформы, где можно вынырнуть из темноты – отдышаться до следующего погружения» (Толстая, 2012). Причудливо-ироничный образ поезда («набит людьми, как чурчела орехами») рождает аллюзию к бунинскому «Господину из Сан-Франциско», переключается с описанием роскоши парохода «Атлантида»: «...богатый квартал, серебристый и сытый, тут есть вешалка для шуб, тут легко отдадут полтора рубля за бутерброд, шестьдесят целковых за стакан чая» (Толстая, 2012). Т. Н. Толстая четко обозначает социальное расслоение общества пассажиров: «...крестьянин не едет на “Сапсане”, житель маленьких городков – Раменок или Колтушей – выбирает тусклые плацкарты лязгающих, долго ползущих составов» (Толстая, 2012). Вереницей проходят типажы: тихие чиновники, бизнесмены («крупного бизнеса тут нет, он улетел на самолете, а мелкий здесь, заказал коньяку и говорит в мобильник громко, чтобы все знали, какой он деловой» (Толстая, 2012)); «возмущенная дама в белых кружевных сапогах»; спортсмены и «офисные сидельцы», проводящие четыре часа в вагоне-ресторане; «веселый лысый дядька», рассказывающий спутнице старый анекдот; растерянный кудрявый жулик, карточный шулер, менеджеры среднего звена. Как будто из рассказа В. В. Набокова появляется на столе соленый огурчик в окружении русских кодовых продуктов (нарезанного сала, лучка), сопровождаемых строками из стихотворения А. Толстой: «Лица недавно разбуженных, // Наспех поевшие рты – // Жизнь на платформах завьюженных // Вынырнет из темноты» (Толстая, 2012). Это детерминирующий фон виртуального диалога двух философов: вечно путешествующей в поездах Т. Н. Толстой и «адепта ночи» Ф. И. Тютчева, которому она презентует модель русского мира: «Русский наш мир, Федор Иваныч, выглядит так: большая тьма, в ней две светящиеся точки: Москва и Петербург. Сбоку где-то, конечно, Европа, но она почти уже не считается» (Толстая, 2012). «Антигимн» 90-м созвучен аналогу в «Попутчиках инжира»: ночные поезда, неприметная одежда перевозчиков «золота», зашитого в пояс, блокиратор – примета времени, «особый замок из твердой красной пластмассы – коробочка размером с сигаретную пачку, с пружиной» (Толстая, 2012). Созерцание пейзажа за окном (перечисление названий многочисленных северных заснеженных деревушек, мелькающих за окном: Дремуха, Бабошино, Кривое Колено, Мужилово...), замкнутое пространство вагона, располагающее к общению и всевозможным ритуалам, культурный код, социальный статус пассажиров – главные составляющие константы габитуса пассажира поезда, получившие репрезентацию в эссе Т. Н. Толстой.

Итак, наиболее частотными компонентами-константами исследуемого габитуса, репрезентованными в тематической выборке, из девяти предполагаемых оказались следующие: созерцание пейзажа за окном поезда; транслирование культурного национального кода и социального статуса пассажира. Далее отметим пребывание в замкнутом пространстве вагона, купе, формирующем коммуникативную ситуацию; исполнение символических демонстративных ритуалов (раскладывание багажа, чаепитие, прием пищи (набора определенных продуктов), выход в тамбур, застеление постели в купе и др.), прямое или опосредованное участие в ситуации общения. Менее востребованной стала достаточно значимая вариация – чтение книг; ее выбрали герои Л. Н. Толстого, В. В. Набокова, А. А. Уткина по разным причинам: иногда это часть вагонного ритуала, приобщение к культурной традиции, привычка, в других случаях – способ отвлечься от тяжелых мыслей, уход от реальности, нежелание коммуницировать с окружающими или просто трафарет времяпрепровождения в поезде. В эссе Т. Н. Толстой духовное общение рассказчика-энциклопедиста с литературой на уровне генетической памяти значительно, фундаментально, но в то же время писательница констатирует факт появления новых детерминант габитуса в связи с изменением информационного пространства, в результате чего в перечень стандартных предрасположенностей пассажира попадает виртуальное общение с помощью гаджетов, например, разговор по мобильному телефону. Следует отметить, что из пяти произведений тематической выборки синдром попутчика раскрывается в полной мере только в двух: в повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» и рассказе А. А. Уткина «Попутчики инжира», это обусловлено сюжетобразующей ролью психологического феномена, реализующегося в особых условиях, которые и описаны этими авторами.

Заключение

В заключение обозначим результаты исследования: гипотеза подтверждена, все девять предполагаемых структурных элементов габитуса пассажира поезда в той или иной степени реализованы в тематической выборке произведений средней и малой эпической формы русской литературы XIX-XXI вв., определены частотные константы и вариации аттитюда. Доказано, что 1) базис исследуемого габитуса сформирован, в своей основе стабилен; 2) закономерно эволюционируют лишь некоторые его номинации; 3) данный тематический комплекс востребован русской литературой как XIX, так и XXI в. для трансляции концептуальной идеи текста.

Во многих случаях он играет сюжетобразующую и важную композиционную роль, составляет смысловое ядро авторской интенции. Неоднородность репрезентации ключевых ипостасей габитуса пассажира поезда мотивирована биографическим и психологическим рисунком характера литературного героя, степенью значимости мотива дороги в выражении авторской позиции, историко-культурным подтекстом произведения, но в то же время наблюдаются закономерности частотности их контекстуальной реализации, определенный вектор развития и трансформации темы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы предполагают более детальное изучение вопроса, расширение его границ, обращение к произведениям лирической и лиро-эпической формы (Н. А. Некрасов «Железная дорога» и др.), возможно, к пласту зарубежной литературы, увеличение элементов тематической выборки (Ф. М. Достоевский «Идиот», А. П. Чехов «В вагоне», В. М. Шукшин «Печки-лавочки», В. О. Пелевин «Желтая стрела», Р. Свечников «Рома едет» и др.), обозначение новых констант и детерминант габитуса в связи с его латентностью и исторически обусловленным потенциалом.

Источники | References

1. Андреев Л. Н. Проза. Публицистика. М.: Олимп; АСТ, 1997.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
3. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2.
4. Гулевич О. А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
5. Зинченко В. П. Большой психологический словарь. 2021. URL: <https://online-knigi.com.ua/page/118634?page=58>
6. Иванова Н. А. Понятия «габитус» и «хабитуализация» в контексте социологических теорий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13).
7. Макогон Т. И. Габитус, идентичность, обусловленность и когерентность в топологии местных сообществ // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. Экономика. Философия, социология и культурология. История.
8. Набоков В. В. Другие берега: роман, рассказы / примеч. О. Дарка. М.: АСТ, 1997.
9. Селиверстова Н. А., Короткая Н. Д. Габитус // Энциклопедия гуманитарных наук. 2015. № 4.
10. Сизова И. Л., Ермилова А. В., Хусьянов Т. М. «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета (на примере факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36).
11. Толстая Т. Н. За проезд! 2012. URL: <https://www.rulit.me/books/za-proezd-read-245720-1.html>
12. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1987. Т. 11.
13. Уткин А. Попутчики инжира. 1999. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/8/yuzhnyj-kalendar.html
14. Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2.

Информация об авторах | Author information

Ройко Оксана Валентиновна¹

¹ Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе

Royko Oksana Valentinovna¹

¹ Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol

¹ royko_oksana@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.08.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): габитус пассажира поезда; авторская интенция; контекстуальная реализация габитуса; коммуникативная ситуация; символический демонстративный ритуал; habitus of a train passenger; author's intention; contextual realization of habitus; communicative situation; symbolic demonstrative ritual.